

Прибрать власть к рукам оказалось куда проще, чем предполагал Годжо Хара.

Ирония судьбы: старейшины клана сами возвели Шесть Глаз в ранг абсолютного, неприкасаемого божества. Конечно, престарелые интриганы руководствовались лишь корыстью и жадой наживы, однако, промывая мозги рядовым членам клана и подрастающему поколению, они побоялись говорить об этом открыто.

Обычные люди и молодёжь Годжо искренне верили в священный статус Божественного дитя. Их фанатичная преданность Шести Глазам была абсолютной, и то, что носитель этого дара должен возглавить клан, казалось им единственно верным, незыблемым законом.

Поэтому, стоило Харе явиться к ним в ореоле этого величия, как они один за другим признали его главенство. Ему даже не пришлось прилагать усилий — сердца соплеменников сдались без боя.

И пусть эти люди занимали лишь средние и низшие ступени в иерархии, их массовый переход на сторону Хары фактически обескровил верхушку. Прежний глава клана и старейшины оказались генералами без армии. О каком сопротивлении могла идти речь, если даже их собственные прямые наследники присягнули на верность Шести Глазам? Не станут же они объяснять собственным детям: «Знаете, мы просто хотели использовать Божественное дитя как послушную марионетку и живое оружие». Такие мысли можно держать при себе, но высказав их вслух, старейшины мгновенно превратили бы себя во врагов всего клана.

Внушаемый веками культ Шести Глаз стал нерушимым догматом, спорить с которым открыто никто не смел. Противостоять одному носителю дара мог лишь другой такой же. Но Годжо Сатору власть совершенно не интересовала. Он безраздельно доверял старшему брату и поддерживал его во всём. А тех немногих глупцов, что пытались посеять раздор между близнецами, Сатору просто избивал до полусмерти.

После его «уроков» несчастным интриганам приходилось иметь дело уже с Харой, который не упускал случая завершить расправу.

Глава клана Годжо оказался самым сообразительным. Он давно понимал, что с возрастом Шестиглазых ему придётся уступить своё кресло. Раньше он заигрывал со старейшинами лишь ради того, чтобы удержать побольше власти и передать её сыну в обход будущего лидера. Но, осознав масштаб угрозы и воочию созерцая чудовищную силу близнецов, он мгновенно капитулировал.

Хара не стремился к бессмысленному кровопролитию. Живые люди были нужны ему как рабочая сила — править кланом единолично, погрязнув в рутине, он не собирался. Поэтому он заключил с главой связывающую клятву: тот обязуется беспрекословно выполнять любые приказы близнецов, а взамен сохраняет за собой номинальный титул до тех пор, пока Хара не повзрослеет.

Увидев, как быстро сдался их лидер, остальные старейшины заколебались. Монолитная

оппозиция раскололась. Часть из них рассудила, что преклонить колени перед будущим владыкой клана — решение разумное и прагматичное. Другие же, ослеплённые жадностью, решили бороться до конца. Они наивно полагали, что родственная кровь уберёжёт их, и Шесть Глаз не посмеет вырезать старейшин, стоявших у истоков силы Годжо.

Хара не стал тратить время на уговоры. Тех, кто не пытался рассорить его с Сатору, он пощадил, связав клятвами абсолютной верности. С остальными же — мятежными заговорщиками — он расправился без тени жалости.

Эта кровавая чистка потрясла клан. Никто не ожидал от малолетнего Хары столь пугающей жестокости и железной хватки. В поместье Годжо воцарилась гробовая тишина.

Освободившиеся посты и ресурсы Хара распределил среди тех, кто присягнул ему первым. Кнут и пряник были пущены в ход с виртуозной точностью — поверить, что за всеми этими политическими играми стоит ребёнок, которому нет и десяти лет, было решительно невозможно.

Во время внутренней бури Хара методично уничтожил всех чужих шпионов и доносчиков. Когда пыль улеглась, внешнему миру достались лишь смутные слухи о каких-то междоусобицах и загадочных смертях нескольких старейшин. На людях по-прежнему появлялся прежний глава клана, который легко замял скандал привычными отговорками.

Главный совет магов, как и кланы Дзэннин и Камо, догадывались о внутренней грызне в Годжо, но деталей не знали. Даже если шпионы перед смертью успевали передать весточку, упоминая имя Хары, консервативная верхушка отказывалась верить, что десятилетний мальчишка способен повернуть столь масштабный переворот. Все решили, что старейшины Годжо просто поубивали друг друга в борьбе за власть, а ребёнка с Шестью Глазами использовали как ширму.

Они и представить не могли, что отныне у руля величайшего клана стоят двое детей.

И хотя бремя правления формально лежало на плечах обоих братьев, Сатору сразу же откrestился от дел, целиком доверив все хлопоты Харе. А тот и не думал обременять брата скучной бумажной волокитой. Текущие дела по-прежнему вели глава и уцелевшие старейшины, а Хара лишь направлял клан по выбранному курсу.

Одним из первых его решений стали масштабные инвестиции в сферу высоких технологий обычного мира. Прежде клан Годжо полагался лишь на старинные земельные угодья и связи, наработанные годами изгнания проклятых духов. Прогресс их не интересовал. Но Хара прекрасно понимал, что будущее за технологиями, и заставил клан действовать. Старомодные старейшины и глава роптали, но, связанные нерушимой клятвой, послушно подчинились.

Инвестиционная кампания увенчалась оглушительным успехом. Дело было не только в прибыли — чтобы инвестировать в передовые стартапы, нужно было сначала получить к ним доступ. Но для Годжо, одного из трёх великих семейств, двери открывались сами. Влиятельные

магнаты и чиновники, знавшие о существовании проклятий, заискивали перед магами. Возможность привлечь капитал Годжо была для них шансом заручиться поддержкой могущественного клана на случай беды.

В мире магов эти финансовые манёвры остались незамеченными. Главный совет и прочие семьи магов, погрязшие в средневековом снобизме, презирали обычных людей и не считали их равными себе. Ослеплённые гордыней, они следили лишь за действиями Годжо в мире магов, начисто игнорируя их успехи в мире без магии.

А ослабленный чисткой клан Годжо умышленно вёл себя тихо, не давая поводов для подозрений.

За несколько лет Годжо полностью восстановили силы, а доходы от технологического сектора превзошли все ожидания. Былые сомнения старейшин испарились, сменившись благоговейным трепетом перед гениальной прозорливостью Хары. Его авторитет стал непререкаемым. С годами он всё увереннее выходил из тени.

Он не торопился официально занимать пост главы, но все союзные фракции уже знали: реальная власть в клане давно принадлежит молодому господину Харе. Даже действующий глава склонял перед ним голову.

Но главным источником его славы стало феноменальное владение обратной проклятой техникой. Хара исцелил множество магов и высокопоставленных обывателей, что принесло клану колоссальное влияние. Разумеется, это до безумия злило верхушку Главного совета, Дзэннин и Камо. Сильный клан Годжо отбирал у них ресурсы и власть, а делиться никто не хотел.

В результате цена за головы Шестиглазых на теневом рынке взлетела до небес.

Раньше заказчики не делали различий между близнецами, выставляя общую награду за «Шесть Глаз». Но с возвышением Хары награда разделилась. Голова старшего брата ценилась куда выше — ведь именно его политические ходы лишали покоя старейшин Главного совета. Верхушка гнилых мандаринов жаждала его смерти. И всё же, после того как десятки элитных наёмников отправились на тот свет один за другим, дураков больше не находилось. Огромные суммы на теневом рынке так и оставались невостребованными.

Вернувшись после очередного затяжного совета, Хара застал брата в комнате. Тринадцатилетний Сатору развалился на столе, увлечённо перебирая коробки с игровыми дисками. Заметив вошедшего, он просиял и замахал руками:

— Брат, скорее сюда! Смотри, что я раздобыл! Давай сыграем!

Хара тепло улыбнулся и опустился рядом, принимая из рук Сатору геймпад:

— Так вот ради чего ты умчался спозаранку? Почему не попросил слуг? Это же лимитированное издание, наверняка пришлось отстоять безумную очередь.

Сатору вставил диск в консоль. Его белоснежные волосы забавно всколыхнулись, а в бездонных голубых глазах заплескался восторг:

— Да ну, так же совсем неинтересно! Настоящий кайф — получить то, чего так долго ждал, прямо в руки, самому! Если бы мне его просто принесли на блюдечке, вся магия бы пропала!

Хара мягко усмехнулся, не в силах противиться этому детскому очарованию:

— Ладно, убедил. Но почему меня с собой не позвал?

Экран телевизора вспыхнул заставкой, и братья одновременно нажали на кнопки контроллеров, погружаясь в игру.

— Так ты же с самого утра с этими гнилыми мандаринами нянчился! — протянул Сатору, не отрывая взгляда от экрана. — Ты вечно занят, вот я и решил проявить великодушие и урвать копию для тебя тоже. Цени мою доброту!

Хара рассмеялся. Благодаря круговому обзору Шести Глаз, он мог, не отвлекаясь от игрового процесса, любоваться профилем брата. В свои тринадцать лет Сатору уже заметно вытянулся, его фигура казалась долговязой, но для Хары он всё ещё оставался самым милым существом во вселенной. Лицо брата, точь-в-точь как его собственное, казалось ему самым красивым на свете.

— В следующий раз просто скажи, — мягко произнёс Хара. — Скучное собрание старейшин никогда не будет важнее времени с тобой.

Сатору не повернул головы, но его Шесть Глаз уловили этот тёплый, любящий взгляд. На душе у него стало неприлично хорошо. Скрыть довольную ухмылку не удалось, и он весело тряхнул чёлкой:

— Тогда после обеда идём за новыми лимитированными десертами!

— Договорились, — без колебаний согласился Хара.

А как же официальный визит в Главный совет магов, назначенный как раз на это время? Обойдутся. Прогулка с братом за сладостями — дело куда более государственной важности.

«Пусть вместо меня поедет наш номинальный глава»

Хара прекрасно знал, что старейшины Главного совета собирались устроить ему показательную взбучку на этой встрече, но его это совершенно не волновало.

Тем временем в зале заседаний Главного совета магов престарелые чиновники полдня репетировали свои гневные обличительные речи против обнаглевшего юнца:

—...

<http://bllate.org/book/19549/1988261>